

Женщина. Что за голос!

В дни III Всемирной театральной олимпиады, проходившей минувшим летом в Москве, в Театре "Школа драматического искусства" под руководством Анатолия Васильева, прошла акция Экспериментальной академии театра (Париж, Франция) под названием "Оружие поэзии: Кольтес, Жене, Пазолини, Мюллер". Под знаком последнего состоялись акции "Хайнер Мюллер, смотреть в белки глаз истории" и "В память Хайнера Мюллера", а также спектакль "Медея-Материал" Х.Мюллера в постановке Анатолия Васильева и в исполнении французской актрисы Валери Древилль. Теперь – ноябрь. И Валери Древилль вновь в Москве, репетирует "Медею". Васильев проводит открытые репетиции, а в течение нескольких ноябрьских дней спектакль этот станут показывать публике. Всего несколько раз. Затем Валери уедет, уедет и Анатолий Васильев на три месяца в Париж – ставить мольеровского "Амфитриона" в "Комеди Франсез". А пока – эссе режиссера, родившееся, собственно, из слов, сказанных на одной из открытых репетиций. Это то, что обычно остается за кадром. Чужих на репетиции у Васильева быть не может по определению. А интерес к тому, что делает именно он, велик. Так что в данном случае мы буквально попадаем в святая святых, в лабораторию мэтра, сложный мир его театрального поиска. Возможно, что-то покажется тут непосвященному и непонятным. Но изыскания Васильева – это театр не для всех. Мишель Кокосовски, о которой идет здесь речь, – ученица и последовательница Ежи Гротовского, основавшая в 1991 году образовательный центр – Экспериментальную академию театра – и в течение 11 лет являвшаяся ее директором.

12 часов ночи со 2 на 3 июня. Доброй ночи!

"Медея" Хайнера Мюллера на сцене 1-й студии с актрисой Валери Древилль – только репетиция. Только репетиция. Я должен вас предупредить, чтобы не было в зале атмосферы премьеры, которая уже есть. Что это не премьера – для меня правильно и правильно для актрисы. Когда в зале собираются люди необыкновенные, такие, как вы, например, то они и смотрят спектакль не как обыкновенные люди. Они его смотрят хуже. И поэтому играть для специалистов театра очень тяжело. Вы, пожалуйста, не обижайтесь, но я как режиссер знаю, какая мука вообще – играть для людей театра. Это правда. И для режиссера вдвойне правда.

Четыре автора, объединенных огнестрельным названием "Оружие поэзии", – последняя московская акция "Академии". Бернар Мари Кольтес, Жан Жене, Пьер Паоло Пазолини и Хайнер Мюллер. Десятилетний путь "Академии" через пустыню театра к земле обетованной почти окончен. Сегодня прощальная ночь. Акция окончена. Четыре русские школы совместно с четырьмя молодыми режиссерами, последними членами "Академии", на новой сцене Театра "Школа драматического искусства", что с этого лета открылся на Сретенке, в тау-зале представили свои работы в сопровождении удивительных встреч с великими основателями "Академии". Москва вздрогнула наконец не от криминальных разборок, не от террора – жертвами поэтических выстрелов стали мы с вами, люди театра.

Но вот о чем я никогда не задумывался: какая она, "Академия", и что она?

Я знал только Мишель Кокосовски.

Почему я всегда был рядом? – теперь я задаю себе простой вопрос, – потому что она звала меня... призвала... Как бы попроще и поправдливее выразиться, чтоб без вымысла... Через десять лет нашей дружбы я и не подозревал, что есть такая "Академия", я, конечно, читал надписи на документах, но. Вот предмет разговора, о который Мишель

может споткнуться, что для меня всегда была только она, что все эти десять лет я ничего не сделал для "Академии", но для нее – все, что она просила. И это и был, оказывается, мой "академический" труд. Значит, Мишель Кокосовски уйдет, и уйдет "Академия".

Каковы же свойства того, что теперь я должен именовать словом "Академия"? Свойства прекрасные: свойства любви, благодарности, материнские (сучьи) свойства, подобные животным, самкам, охраняющим детенышей своих, свойства поклонения человеку-гениям, каковых "Академия" поглощала в себя для других. Но они, эти другие, – вот еще одно свойство, о котором Кокосовски, или "Академия", повторяла часто – "передача". Как со старого колеса на молодое колесо передается работа ветра, так "Академия" бурю культурную ветров 60-х передавала в 90-е, безрезультатные. Дано больше, чем передано, – если бы не любви! Что осталось бы...

Я жил восточнее "Академии", в четырех часах быстрого лета. Как часто я вылетал по возгласу Мишель Кокосовски, по сердечкам, приклеенным к открыточкам, – знакам любви, символом "Академии". Никогда не задумываясь о высоких порывах театра, я спешил к ней на Елисеевский бульвар для чего угодно. С девочками я пел русские романсы в ресторане, что в нижнем этаже театра Рон-Плээн, я плыл с "Академией" на пароходе по Москве-реке, и пятьдесят четыре залпа фейерверка отпраздновали мое пятидесятилетие, я репетировал "Каменного гостя" на французском языке в Вербье, в уверенности перейти от слова светлого к слову сказанному я прочел семь скромных лекций слушателям специальных курсов "Академии" и был издан отдельной книгой. "Академия" сдружила меня с Гротовским.

Несколько человек вокруг Кокосовски и сама Мишель – вот и кем она прошла десять лет. Но я никогда не видел больше, чем нескольких. Конечно, она всегда любила манифестации и пиры, когда "Акаде-

ФОТО ИКАЛЕДИНОЙ

В.Древилль

мия" собирала знаменитых со всех концов и наполняла залы слушающими, а рестораны – закусывающими. Был праздник: праздник, который всегда с Кокос. С "Академией" вошел и я, скифским ветром обгаренный, в европейскую праздность и праздничность, где ум – для наслаждения, а поступки – для раздражений. Но Мишель защищала меня как друг, как любовница, которой не была, как жена. Она выучивала меня – так и не научила... И пока я выучивал слушателей и практикантов "Академии", она выучивала меня и готовила "передачу"; так прошло десять лет. "Академия" – дыра в бочке, сквозоз которую на подсушенную засуху твердь театра вылилась изрядная водичка знаний, талантов, слов прекрасных, судеб невероятных... их почти не осталось, судеб и слов, бочка опустела. Что ж? Десять лет водопада – немало! Но еще осталось кое-что, да и почва увлажнилась, десять лет все-таки!

Что я не заметил, как бы того и не было, разве что одна Мишель Кокосовски, но, боже, ее так было много, что хватил и еще на десять лет. Лишь бы не запечаталась "Академия"!

Теперь о Валери Древилль как актрисе и как партнере и члене "Академии". Она вошла в "Академию" вместе с нашими опытами Платона, кажется, в 93-м году. Все-таки это какая-то особенная актриса, особенный человек. Вы знаете, что она играла Нину в "Маскараде", премьеры 92-го года, и с тех пор мы в большой дружбе. Училась она у Антуана Витеза – может быть, поэтому мы с ней подружились. Я думаю, поэтому и Валери Древилль стала ездить в Москву и теперь год в Москве, почти год. Все-таки французам неслучайно в Москве жить! Теперь она говорит по-русски. Она, конечно, играет на французском языке, но репетируем мы без переводчика. Ее сын здесь живет, маленький мальчик Тео, ходит в русский детский садик. Все это лирика, но тем не менее жизнь актрисы, которая выбрала такой путь и через которую я ближе соединяюсь с Парижем и с вами.

Работали мы недолго. Валери занималась другими ролями: это был "Мизантроп" Мольера и "Три сестры" Чехова. Вдруг в последний момент мы решили репетировать "Медею" Хайнера Мюллера. В общем, я это сделал для Мишель Кокос и с ее подачи, но она решила отказаться от моего подарка и изменила мне. Она изменила мне и уехала, как она сказала, на Святую землю. Она уехала

в Иерусалим, изменила мне, и на зависть, с самим Жаком Лангом, ревность моя разбивается о радость...

Короче говоря, "Медея" была сделана для олимпиады, но больше всего, может быть, потому, что мне понравился текст Хайнера Мюллера. Я догадывался, какая настоящая дружба привязывала Мишель Кокосовски к Хайнеру Мюллеру, разделенная с ним боль уходящей от болезни – рака – жизни, безраздельная радость дружеского застоя, восхищение подвигом драматического писателя в Восточной Европе, – все было круче, чем я могу себе вообразить по фотографиям, развешанным на четырех стенах рабочего кабинета. Я рискнул и поставил карту на Хайнера Мюллера.

Вначале, конечно, когда я читал или вчитывался в разные русские версии одного и того же текста, автор раздражал меня зауем немецких конструкций и постфилософской галиматией, но потом, когда преодолел чувство почтения ученика к мэтру, вдруг увидел текст не только в амбициях переводчика и отсебятины, но и нашел простые формулы слов для простых мыслей человека, нашел античный миф за Берлинской стеной в дырах на месте знаков синтаксиса, подобных дырам от снарядов. Если уж "Оружие поэзии" – то из огнестрельных стволов! Самый большой эксперимент в этой работе с тем, как изменяется французский язык. Я привозил в Авиньон комедию Мольера "Амфитрион", сыгранную на двух языках: русским и французском. Валери Древилль в ролях Алкмены и Ночи пользовалась вербальной техникой для французского языка, как русские актеры для русского языка. Критике не понравилось, что она "рубит" французскую речь. Критика сказала: "Это не французский язык". Но мне и русские тоже говорят, что актеры в моем театре на Поварской говорят не по-русски. То есть получается, мы говорим не по-русски, не по-французски, а когда я работал в Венгрии – и не по-венгерски! То есть, грубо говоря, я избрал какой-то язык, который не относится ни к какому народу, но, может быть, к архаическому относится... Все-таки есть такой язык или нет? У меня к вам просьба: если вам покажется ваш язык странным – перетерпите, пожалуйста. Все-таки это работал иностранец, член Экспериментальной академии театра. Он не ведает, что творит. Он не знает красот французского языка, глупый человек.

Простите мне как "академику" Экспериментальной академии театра, а вместе со мной Мишель Кокосовски, как моему невольному покровителю, наши глупости занеся, и давайте благодарим актрису, что она так неправильно употребляет язык. Академия – всегда неправильно, жизнь не по правилам, будь то в Париже, в Авиньоне, в Понтедере, в Боготе – где еще – et cetera, в Москве, наконец, против всяких правил! Извините меня за вступительный роман, я хотел просто... чтобы был налажен какой-то дружеский момент заранее. Вы поймете почему...

Медея

Язон мой первый и мой последний

Язон

Женщина что за голос

(Репетиция началась) 14 сентября 2001 года

Анатолий ВАСИЛЬЕВ